

Не заполучив кувшин, Гу Хуайцин кипел от ярости. Обернувшись, он поймал на себе пристальный взгляд Шэнь Юйчжу — взгляд откровенный, пожирающий, полный бесстыдного вожделения.

Гу Хуайцин и раньше слышал, что у Шэнь Цзюньжу подрастает беспутный сын, но не ожидал, что тот осмелится вести себя так нагло при всём честном народе. Тут же метнул в его сторону гневный взор.

Но, рассмотрев лицо, Гу Хуайцин вспыхнул, будто его ошпарили, и рявкнул:

— Так это ты!

Чтобы понять причину его гнева, нужно вернуться на год назад, ко дню Праздника фонарей.

В этот вечер всем женщинам дозволялось выходить на улицу, что порождало бесчисленные романтические истории. Молодой император Сяо Цзин, наслушавшись народных сказов, страстно возжелал инкогнито покинуть дворец — вдруг повстречает прекрасную незнакомку?

Гу Хуайцин уговаривал его, твердя, что в праздничной толчее слишком легко нарваться на неприятности. Но Сяо Цзин стоял на своём. Не в силах переубедить, Гу Хуайцин переделся в простую одежду и отправился вместе с ним.

Оба облачились в даосские халаты и шапочки-«дунпо», изображая пару студентов-попутчиков. Один — величаво-благородный, другой — ослепительно прекрасный. Что и говорить, по пути они ловили на себе восторженные взгляды множества женщин.

Сяо Цзин, всю жизнь проведший за дворцовыми стенами, впервые окунулся в столь шумное народное гулянье и пришёл в неопишуемый восторг. То бежал покупать фонарь, то рвался отгадывать загадки.

Народу было — не протолкнуться. Гу Хуайцин на миг отвлёкся, какая-то девушка его окликнула, и, когда он наконец от неё отделался, Сяо Цзин уже растворился в толпе.

От этой мысли Гу Хуайцина бросило в холодный пот. Он принялся лихорадочно озираться, и в самый разгар поисков наткнулся на компанию пьяных молодых повес.

Главарь этой братии, какой-то легкомысленный молодой господин, едва завидев Гу Хуайцина, замер, уставившись, затем принялся разглядывать его с ног до головы, причмокивая:

— Ай-ай-ай! Не думал, что на свете есть такая красота!

Другой повеса расхохотался:

— Брат Шэнь, ты, видать, перебрал! Это ж мужчина!

Но легкомысленный господин лишь покачал головой:

— Ничуть! С такой-то внешностью — да мужчина? Да быть не может! Это явно красавица, переодетая в мужское платье! Ну-ка, подойди сюда, прелестная, пропусти с нами по чарочке!

Остальные дружно загоготали, отпуская похабные шуточки.

Гу Хуайцин, от природы наделённый красотой, да к тому же евнух, люто ненавидел, когда его сравнивали с женщиной. В иное время он бы жестоко проучил эту шпану, но сейчас всё его

внимание было поглощено поисками Сяо Цзина, и связываться с ними не было ни времени, ни желания.

— Прочь с дороги! — холодно бросил он.

— Ой, красавица рассердилась! Ещё милее стала! — Легкомысленный господин взмахнул веером, легонько приподнял им подбородок Гу Хуайцина и потянул его к себе.

От молодого человека так разило перегаром, что Гу Хуайцину стало дурно. Он готов был прибить наглеца на месте, но, помня о толпе, лишь нажал на точку сна, уложив того отключившимся, и воспользовался суматохой, чтобы скрыться.

К счастью, Сяо Цзин далеко не ушёл и, обнаружив пропажу Гу Хуайцина, тоже начал его искать. Вскоре они встретились.

Сяо Цзин было собрался продолжить гулянье, но, увидев, что Гу Хуайцин ходит хмурый и дышит гневом, благоразумно прикусил язык и покорно последовал за ним обратно во дворец.

Прошло больше года, Гу Хуайцин почти забыл тот случай, и вот сегодня, в доме Шэнь, он снова столкнулся с тем самым наглецом, что принял его за женщину и позволил себе вольности. Оказалось, это был сын первого помощника, Шэнь Юйчжу. И теперь, при новой встрече, тот снова вёл себя так развязно! Что ж, пенять ему было не на кого.

Гу Хуайцин усмехнулся, двинулся — и словно призрак возник перед Шэнь Юйчжу, вцепился ему в ворот и поднял так, что тот оторвался от земли.

Шэнь Юйчжу, задыхаясь, алое лицо, всё ещё смотрел на него заворожённо, потерянно:

— Красавица... Это и вправду ты...

— Чтоб тебя! Заткнись! — На висках у Гу Хуайцина вздулись жилы. Он взметнул ногой и швырнул Шэнь Юйчжу на несколько чжанов прочь. Тот с глухим стуком ударился о стену, окружавшую двор, и тяжело рухнул на землю, выплевывая сгустки крови.

Наложница Цзян с воплем бросилась к нему:

— Сыночек! Родной мой! Ты цел? Где болит?

Шэнь Юйчжу же, не отрывая глаз от Гу Хуайцина, бормотал:

— Красавица... Год не виделись... Я каждый день по тебе тосковал...

Видя, что тот не образумился и продолжает нести вздор, Гу Хуайцин почернел лицом и занёс руку для удара по макушке Шэнь Юйчжу. В этот раз он вышел из себя по-настоящему и намеревался прикончить наглеца на месте.

Гу Хуайцин напал внезапно, все остальные стояли поодаль — даже если бы и захотели помочь, уже не успели бы. Казалось, Шэнь Юйчжу пришёл конец, но в тот миг, когда жизнь висела на волоске, юркая тень метнулась вперёд, подобно гигантской птице, и подставила руку под удар Гу Хуайцина...

Дуань Минчэнь отразил смертоносный удар и шагом встал между Гу Хуайцином и дуэтом Шэнь Юйчжу с Наложницей Цзян.

Гу Хуайцин, взбешённый помехой, рявкнул:

— Дуань! Как ты смеешь меня останавливать?!

Дуань Минчэнь ответил ледяным тоном, отчеканивая каждое слово:

— Господин Гу, мы здесь расследуем дело, а не убиваем людей!

— Это мои личные счёты с ним! Уйди с дороги!

— Мне нет дела до ваших личных счётов. Но он — ключевая фигура в деле. Будь между вами хоть смертельная вражда, разбирайтесь после того, как следствие завершится.

Гу Хуайцин засмеялся сквозь ярость:

— А если я откажусь ждать?

Дуань Минчэнь ответил холодной усмешкой:

— Господин Гу, вы, кажется, изволили забыть? Его Величество повелел вам содействовать мне в расследовании, а не отдавать мне приказы!

— Ты!.. — Гу Хуайцину перехватило дыхание от ярости.

— Если вы недовольны, можете идти жаловаться к императору и просить, чтобы он отменил свой указ и передал дело вам. Но пока я веду расследование, я не позволю вам бесчинствовать!

— Хорошо, хорошо... Ты... просто молодец! — Публично осаженный, Гу Хуайцин едва не потерял лицо. Он побагровел, губы его задрожали.

И хуже всего было то, что Дуань Минчэнь говорил правду. Назначить его помощником в это дело Сяо Цзину изначально не хотелось, и тот уступил лишь после долгих уговоров. Гу Хуайцин отлично понимал: если донести об этом инциденте до императора, тот немедленно вернёт его во дворец и отстранит от дела, а Дуань Минчэнь не пострадает ни на йоту.

А он так жаждал этого интересного задания! Как он мог позволить себе бросить его на полпути?

Пришлось Гу Хуайцину проглотить обиду, хоть она и стояла в горле колом. Он швырнул в сторону Шэнь Юйчжу убийственный взгляд из-под прищуренных фениксовых глаз, развернулся и, взметнув рукава, покинул двор.

Дуань Минчэнь, видя, что Гу Хуайцин ушёл, с лёгким облегчением выдохнул и распорядился, чтобы подчинённые нашли лекаря для Шэнь Юйчжу.

Шэнь Юйчжу, которого Наложница Цзян прижимала к груди, всё ещё смотрел потерянным взглядом в ту сторону, где скрылся Гу Хуайцин.

Дуань Минчэнь мысленно покачал головой. Этот тип, едва не отправившийся на тот свет от руки «Яшмового Владыки Преисподней», даже не думал брать себя в руки. Непонятно, то ли он безнадежно глуп, то ли его похотливость сильнее инстинкта самосохранения.

Гвардейцы в парчовых халатах, наблюдавшие, как Дуань Минчэнь парой фраз заставил Гу Хуайцину отступить, мысленно вознесли ему хвалу. Гвардию долгие годы теснила Восточная

Ограда, и вот наконец они смогли вздохнуть полной грудью! Какое же это наслаждение — сбросить оковы!

Разобравшись с «проблемой», Дуань Минчэнь вернулся к расследованию.

Хотя возможность того, что убийца пришёл извне, пока нельзя было исключить, обитатели дома Шэнь оставались под гораздо большим подозрением. А значит, допросить следовало каждого.

В доме Шэнь числилось больше ста тридцати человек. Допросить всех разом было бы невозможно. К счастью, Дуань Минчэнь привёл с собой десяток с лишним гвардейцев. Он разделил обитателей дома на группы, поручив каждой группе своего следователя, и велел допрашивать поодиночке.

Сам же он взялся за ключевых фигур: госпожу Се Хуэйлань, её служанку Дун Мэй, Шэнь Юйчжу, Наложницу Цзян, управляющего Шэнь Чжуна и служанку Цю Лянь, ответственную за приготовление лечебного отвара.

Что до старшей дочери Шэнь, которая всё ещё не вставала с постели, её допрос пришлось отложить до улучшения самочувствия.

Первой вызвали на допрос госпожу Се Хуэйлань — единственную свидетельницу кончины первого помощника.

Следы слёз ещё не высохли на её щеках, в глазах застыл испуг. Муж скончался от внезапного приступа, находясь на ней... Какая женщина не содрогнулась бы от такого?

Как гласит поговорка, «траурное одеяние красивой женщины — сама красота». Облачённая в белоснежные траурные одежды, красавица казалась ещё более хрупкой и беззащитной, невольно вызывая жалость.

Несмотря на потрясение, Се Хуэйлань сохраняла осанку и манеры, приличествующие девушке из знатной семьи. Она сидела прямо, спокойно ожидая допроса.

<http://bllate.org/book/16283/1466646>